

Пересылка. План составлен П. Яхновецким бывшим з.к

была своеобразная «лебединая песня» уже угасающей оттепели. Ведь детали лагерной жизни, лагерного быта, по- существу, не знал никто.

Только не Варлаам Тихонович. После публикации рассказа, у него возникли очень сложные взаимоотношения не только с его автором, хотя он и побывал у него в гостях в 1963 г. в Солотче (курортный поселок в 20 км. от Рязани). Вдова О. Мандельштама – Надежда Яковлевна отмечала, что только после прочтения «Ивана Денисовича» у неё создалась зрительная картина лагерной жизни. Она вспоминала, что «Шаламов обижался на меня за такую измену и объяснял, что в таком лагере, ...можно провести всю жизнь. Это был упорядоченный послевоенный лагерь, а совсем не ад Колымы». «Я знаю, – писала она далее, – «что лагерь Солженицына – это не тот ужас, в который попал Мандельштам».¹⁵

Отношение к «лагерной прозе» автора «Ивана Денисовича» В. Шаламов высказал на страницах «Неотправленного письма»,¹⁶ где он называет его «дельцом», собравшим воспоминания бывших лагерников «в личных целях». Это «Письмо» (заметки и записки) собралось основательно и неторопко, более десяти лет, с 1962 по 1974 гг. Его публикация в журнале «Знамя» (1995. № 6. С.143-144) наделала много шума и вызвала раздражение Александра Исаевича. Вникать в

писательские «разборки» нет смысла. Каждый автор имеет право на своё мнение. Но «разность» лагерных режимов 1930-х гг. и послевоенных лет, всё-таки существовала.

В июне 1994 г. мне удалось поговорить с автором книги «Архипелаг ГУЛАГ», только что вернувшимся из эмиграции. Я подробно рассказал ему о своих поисках и находках, о транзитном лагере в нашем городе. О пребывании здесь О. Мандельштама, Г. Жженова, В. Нарбута, генерала А. Горбатова, С. Королева, Е. Гинзбург и многих других. Видимо интуитивно (я ещё не знал о его разногласиях с В. Шаламовым), фамилия автора «Колымских рассказов» не прозвучала. Он был чрезвычайно удивлён такими сведениями и подробно расспрашивал обо всём, ибо даже не знал о его существовании.

Дело в том, что транзитный лагерь – Владивостокский пересыльный пункт («транзитка») был объектом весьма секретным. Созданный в 1931 г. по инициативе И. Сталина во время визита во Владивосток К. Ворошилова, он просуществовал вплоть до 1941 года, так и не «засветившись». Даже в солидном издании с опорой на архивные документы, бытие этого кусочка ГУЛАГа остается тайной.¹⁷ Отсюда же пуганица у наших историков и краеведов, тем более у простых горожан. Вплоть до нашего времени многие из них

¹⁵ Мандельштам Н.Я. Вторая книга. Воспоминания. М.: Моск. рабочий, 1990, с. 495.

¹⁶ Здесь и далее ссылки на это письмо. См.: Шаламов В.Т. Указ соч., с. 267-380.

¹⁷ См.: Россия XX век. ГУЛАГ. Главное управление лагерей 1918-1960. (Россия XX век. Документы). М.: Материк, 2002. Здесь отмечено: «Судя по мемуарной литературе и устным свидетельствам, пересыльный пункт по отправке з/к в Магадан на ст. Вторая речка во Владивостоке существовал задолго до 1940 г., но в сводках УРО Владперпункт появился только с 01.01.40». По воспоминаниям з/к и по карте Владивостока 1939 г. этот маршрут выглядел так: от ж/д станции Вторая Речка до пересыльного лагеря он проходил по ул. Великолукской (ныне – Русская), затем – правый поворот на ул. Областную (ныне – Гамарника) и, за поселком Рыбак, пересекая ул. Куринскую (ныне Вострещова), выходил на ул. Печорскую (на ней были входные ворота). Расстояние не более четырех километров. «Пешим ходом добираемся во владивостокский пересыльный лагерь...» (М. Миндлин, В. Налимов). Для ослабленных дальней дорогой заключенных, этот путь был действительно «крутым». «...Утро 7 июля 1939 года. Мы все шли и шли; дорога то поднималась, то опускалась, путь нескончаем. До сих пор не знаю, сколько там было километров...» (Е. Гинзбург). См.: Гинзбург Е.С. Крутой маршрут. Хроника времен культа личности. М.: Советский писатель, 1990; Линген Р. Инквизиция XX века // Уроки гнева и любви. Вып. 5. СПб., 1993; О.Э. Мандельштам во Владивостоке // Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России XIX-XXI век. Еврейский религиозно-культурный центр. Владивосток, 2000-5761; Марченко З.Д. Семнадцать лет на островах ГУЛАГа. М.: Возвращение, 1999; Миндлин М.Б. Первая зима на Колыме // Краеведческие записки. Вып. 8. Магадан, 1992; Налимов В.В. Канатоходец. М.: Прогресс, 1994; Ноздренко С. Из воспоминаний. Запись беседы 1989 г. Архив автора; Саяпин М. Преступление и наказание. Ударный фронт. 28 января 1989. (г. Дальнереченск); Саяпин М. Письмо от 16 марта 1989 г. Архив автора.

ПУБЛИКУЕТСЯ ВПЕРВЫЕ!!!

Автор Название

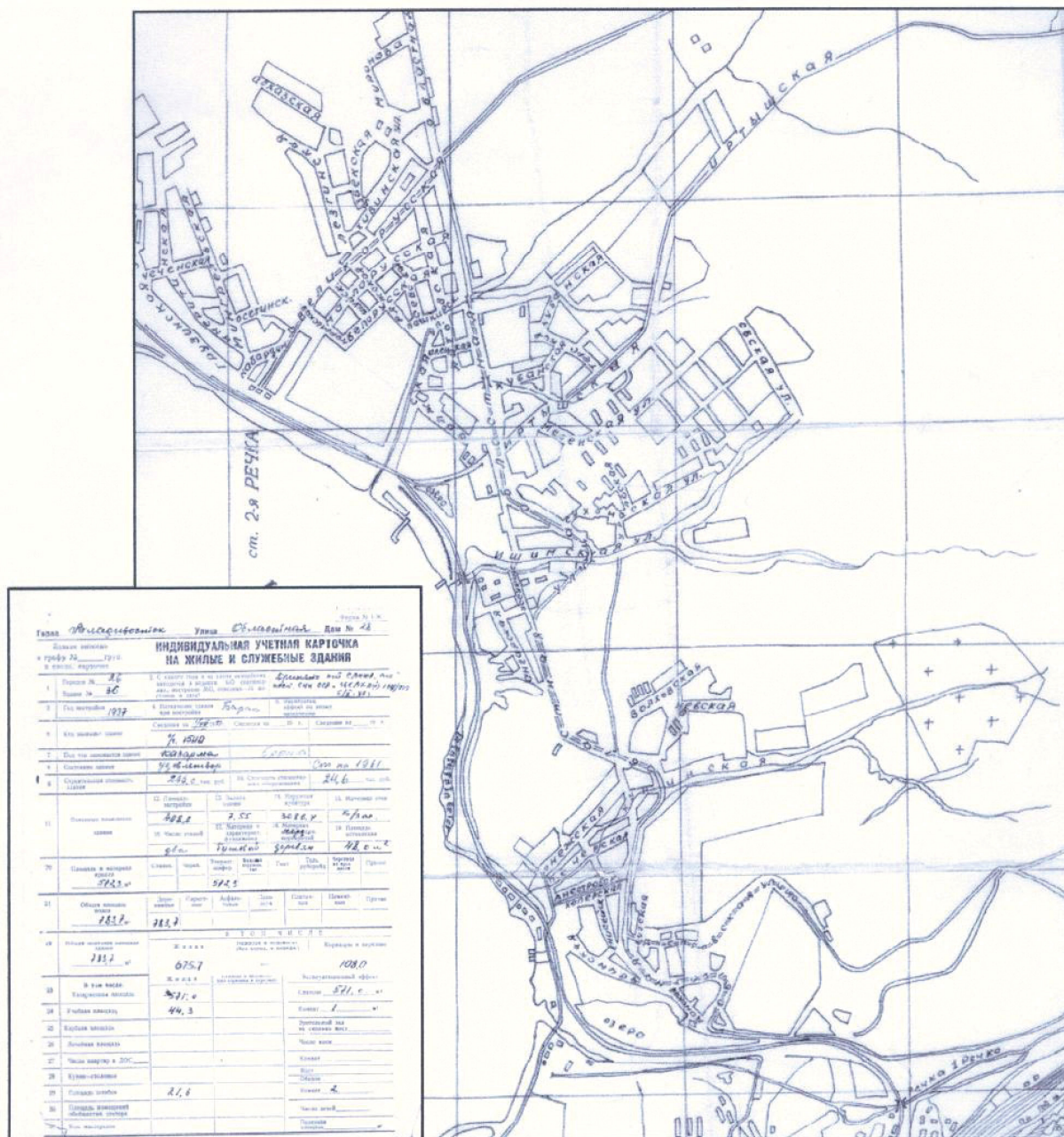

Рис. 1
 Указан адрес: ул. Областная, 28. Она ограничивала пересыльный лагерь с востока. Ныне этот отрезок улицы не существует. Указан тип здания – барак постройки 1937 года. Передан в/ч 15110 (экипаж) согласно Постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 164/399. Здание принято 5 октября 1940 года от СВИТЛага (Управление Северо-Восточных исправительных лагерей). В нем разместилась казарма для военнослужащих 5-й роты.

Рис. 2 (карта г. Владивостока 1939 г)
 В центре справа, между ул. Иртышской и Ишимской (с севера на юг) расположен пос. Рыбак с шеренгами барачков для вербованных. В них, ожидая пароходы на Магадан, временно проживали все прибывшие для работы на Колыме. Сегодня – это район ул. Гамарника, Постышева, Тухачевского...

Вход в экипаж – обновленные лагерные ворота в 1990 г

считают, что пересыльный лагерь находился на ст. Вторая Речка. Но это не так...

Тогда же, от памятной встречи на титуле книги «Архипелаг ГУЛАГ» (издана во Владивостоке) у меня сохранился автограф с датой: «1.6.94.» и размашистой подписью Александра Исаевича...

В годы размолвки с А. Солженицыным, здоровье В. Шаламова сильно пошатнулось; к колымским болячкам добавились новые; болезнь прогрессировала. После очередного пребывания в Боткинской больнице он стал получать пенсию по инвалидности, но на протяжении последующих лет ни на минуту не прекращает творческую работу. В 1980-м писатель получил единственную награду – премию Свободы от французского отделения Пен-клуба.

Последние годы жизни дались писателю с колоссальным трудом. Он провёл их один, без семьи, в глухоте и темноте. Его – оглохшего и ослепшего – определили в пансионат, а затем в «интернат для психохроников», где, не прожив и трёх дней – 17 января 1982 г. – он умер.

Его первые книги («Колымские рассказы») вышли на русском языке за рубежом – в Лондоне (1978) и Нью-Йорке (1980) – лишь за два года до смерти автора. В родном отечестве они ходили по рукам в машинописном виде; их издание началось лишь десять лет спустя. А полная (увы, посмертная) реабилитация по делу В. Шаламова 1929–1932 гг. состоялась только в 2000 г.

* * *

Читал ли Б. Пастернак «Шерри-бренди» в рукописи, сказать трудно. Скорее всего да, ибо он один из немногих знал цену мандельштамовской поэзии и полностью доверял «лагерному опыту» В. Шаламова. Кроме того, оба понимали, что о публикации подобной прозы в те времена не могло быть и речи. А по-

тому «Колымские рассказы» автор писал, что называется – «в стол».

Работа над «Шерри-бренди» продолжалась «долго, но в то же время торопливо». Как отмечал сам автор: [Я] «очень торопился поставить какие-то меты, зарубки...».¹⁸ Здесь он опирался на личный опыт, словно прокручивал свой свиток памяти, включая в повествование даже мельчайшие детали лагерного быта и Владивостокской пересылки, и Колымы.

...Вспоминая путь на восток В. Шаламов писал: «Врагов народа» – целый эшелон москвичей – везли сорок пять суток. Тёплая тишина летних ночей, глупая радость тех, кого везли в теплушках... Люди были счастливы по-детски. Кончилось следствие. Их положение определилось, теперь они едут на золотую Колыму, в дальние лагеря, где, по слухам, сказочное житьё».¹⁹

Свой 30-й день рождения В. Шаламов встретил во Владивостоке, в пересыльном лагере (Владперпункт – Владивостокский пересыльный пункт), находившемся в нынешнем Моргородке (ул. Печерская – Востречева), на территории в/ч 15110, в просторечии – «экипаж», что располагался на северном склоне сопки Сапёрной (сейчас от территории бывшей пересылки осталось немного; её треть, прямо на костях невинных жертв, застроена жилыми домами).

Но к тому времени обустроенный и обжитый заключёнными лагерь работал бесперебойно. Он был разделён оградой из колючей проволоки на две большие части – мужскую и женскую. В мужской – было четыре зоны: для контракторов – «врагов народа», бытовая – для уголовников, «китайская» – для КВЖ Динцев и РУР (рота усиленного режима) – для штрафников всякого рода. Свидетель тех лет М. Выгон, прибывший на пересылку в июне 1937 г. вместе с Шаламовым, вспоминал: «На 33-й день мучительного пути мы прибыли во Владивосток. Нас привели в палаточный городок, расположенный в сопках, огороженный несколькими рядами колючей проволоки, с вышками через 50 метров. Тут нам такая была встреча... Большие толпы «друзей народа» (бандиты, воры, уголовники всех мастей) с воплями: «Бей троцкистов, шпионов, врагов народа», с матерной руганью проводили нас до барак».²⁰

Вероятно, в виду краткого пребывания во Владивостоке, в своих воспоминаниях сам Шаламов о пересылке почти не писал. Неизвестно и то, в каком бараче он находился в ожидании морского этапа. Зато недельный рейс от Владивостока до Магадана, а также некоторые попутчики, ему запомнились хорошо. «Пароход «Кулу» закончил свой пятый рейс в бухте Нагаево 14 августа 1937 года», – вспоминал он. И далее: «Помню трюм парохода, где к нашей компании присоединился некто Хренов – одутловатый, медленный». Вещей Ян Хренов на Колыму не вёз. Здесь, в трюме тюремного парохода, обнаружилась его «причастность» к литературе.. Среди тысяч людей только он один был

¹⁸ Шаламов В.Т. Указ. соч., с. 312

¹⁹ Там же, с. 162.

²⁰ Сотник Л. Когда такие люди... // Реабилитирован посмертно. Вып. 2. М.: Юридическая литература, 1989, с. 321.

Осип Эмильевич Мандельштам

Зоологический музей.

Здесь созданы стихи «Шерри-бренди»

с книгой. «Книга, которую он взял в трюм, берёт и перечитывал – одноклассник Маяковского, с дарственной надписью автора. И всем желающим находил страницу, и показывал «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое», и читал:

*Я знаю – город будет.
Я знаю – саду цветет,
Когда такие люди
В стране Советской есть!*

Хренов был тяжелейший сердечник. Но на Колыму загоняли и безногих, и больных в последней стадии туберкулёза. «Врагам народа» не было пощады. Тяжёлая болезнь спасла Хренова. Он прожил как инвалид до конца срока, освобожден и умер на Колыме уже вольнонаёмным – один из немногих «счастливых».²¹

* * *

В отличие от своего знакомого, самому писателю на «золотой Колыме» выпали немислимые нравственные и физические испытания. В адских условиях он выстрадал свои будущие рассказы, сохраняя в энергетике слов всю боль человеческих страданий и стойкость высших нравственных принципов. А лагерные легенды, обретая плоть и кровь, становились реальностью. Наверное, эти реалии пересыльного лагеря во Владивостоке и перенесённое на Колыму позволили автору «перешагнуть» легенду и написать то, что называется правдой.

...А легенд после смерти О. Мандельштама появилось великое множество: одна цветистее другой. Первую легенду об опальном поэте, для которого край России стал последним причалом, я услышал, в 1969 году будучи студентом исторического отделения историко-правового факультета ДВГУ. Краевед и литератор С. Иванов поведал о том, что О. Мандельштам был убит уголовниками, когда находился в пересыльном лагере. Его тело было расчленено на части и уложено в четыре ведра. Затем, от других людей, довелось слышать разные варианты этой легенды, и почти во всех фигурировали эти страшные «четыре ведра». Откуда такая расцветка смерти поэта – не знаю...

В «оттепельные» годы появилась масса изустных воспоминаний и публикаций очевидцев (и лже-очевидцев), свидетельствовавших о последних днях жизни О. Мандельштама. Как отмечала жена поэта Н. Мандельштам: «Слух о его судьбе широко разнёсся по лагерям, и десятки людей передавали мне лагерные легенды о злосчастном поэте».²² Но только самая яркая из них, словно обожжённая лагерным огнем, оказалась более устойчивой и стала почти хрестоматийной. Её рассказывали всем, кто бывал во Владивостоке после 1938 года. Суть её в том, что после смерти поэта, его тело ещё несколько дней находилось в бараке и оставшиеся в живых получали за него пайку хлеба. Мне же думается, вряд ли эта легенда имеет под собой основу. Ведь 11-й барак, как значится в письме О. Мандельштама к брату Александру,

²¹ См. Шаламов В. Указ. соч., с. 161-164; Сотник Л. Указ. соч., с. 319-327.

²² Мандельштам Н.Я. Воспоминания, с. 363.

Легенды и «новые обстоятельства» смерти поэта рождаются вновь и вновь. Из позднейших легенд особенно «убедительна» Ю. Моисеенко, якобы бывшего очевидцем смерти поэта, опубликованная на страницах «Известий» (1993, №121-125). См.: «Где обрывается Россия...» Владивосток. 27 декабря 1990; «Где обрывается Россия...» О.Э. Мандельштам во Владивостоке // Прикоснувшись к истории. Еврейская диаспора Дальнего Востока России XIX-XXI век. Еврейский религиозно-культурный центр. Владивосток, 2000-5761;